

Марианна Климчук

Шёпот каменных крыльев

Марианна Климчук

Шёпот каменных крыльев

«Автор»

2026

Климчук М. В.

Шёпот каменных крыльев / М. В. Климчук — «Автор», 2026

Они спали тысячелетиями. Горы, что возвышаются над городом, — это не просто скалы. Это древние драконы, стражи мира, пробуждение которых означает лишь одно: под землёй снова зашевелилась Тень. Лира слышала их шёпот задолго до того, как земля дрогнула. Она видела их во снах, чувствовала их дыхание в своих костях. Но когда горы начали просыпаться, город охватила паника. Люди готовы уничтожить драконов, не понимая, что те — единственная защита от настоящей угрозы. Героине предстоит собрать команду таких же «светящихся», как она. Вместе они — щит между мирами. Но смогут ли они остановить войну, которую не начинали? И хватит ли у них сил, чтобы победить врага, который прячется не в горах, а в сердцах испуганных людей? «Шёпот каменных крыльев» — история о тех, кто носит в себе свет, о цене доверия и о том, что даже самый тихий голос может изменить мир.

© Климчук М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Легенда о Камне-Сердце и Снах Земли	5
Глава 1. Камень, который ждал	6
Глава 2. Летопись, написанная снами.	9

Марианна Климчук

Шёпот каменных крыльев

Пролог..Легенда о Камне-Сердце и Снах Земли

Никто уже не помнит, когда именно это было. Знают только, что тогда горы умели двигаться. Они медленно, в такт вековому дыханию планеты, переставляли каменные «лапы» и складывали «крылья» из скальных плит. Это были не горы, а Драконы. А магия- её не искали в книгах. Она просто была. Как ветер. Как сон.

Великие Драконы, дети первозданных стихий, парили над миром. Они были мудры, могучи и добры к тем, кто уважал хрупкое равновесие сущего. Драконы Огня пели в жерлах вулканов, Драконы Воды танцевали в глубинах океанов, Драконы Камня лепили хребты гор, а Драконы Неба ткали узоры из облаков.

Но пришла Великая Смута. Из разломов между мирами выползла Тень — не существо, а голод, пустота, жаждущая поглотить всё: цвет, звук, жизнь и саму память. Она не сражалась — она пожирала, обращая землю в холодный пепел, а душу в забвение.

Драконы вступили в битву, но их пламя гасло в пустоте, а камень крошился. Они поняли: чтобы победить, нужна сила, равная самой основе мира. И они нашли её. Не в ярости, а в покое. Не в разрушении, а в глубоком, непробудном сне. Мудрейшие из Драконов — вожаки каждого рода — обратились к самой Земле. Они слились с ней, став её костью и плотью. Их крылья превратились в горные кряжи, чешуя — в скалистые склоны, переливчатые от минералов, а их медленное дыхание — в тёплые ключи и туманы в долинах. Они уснули, чтобы их вечная жизнь и древняя магия стали щитом. Их сны, сплетаясь, создали Невидимый Покров — барьер, который держал Тень в её глубокой темнице под корнями мира.

Но сон дракона — не смерть. Это лишь иное состояние бытия. Чтобы они не пробудились от случайного содрогания земли или рева войны, Хранители— первые люди с чистыми сердцами — создали Камни-Сердца. Эти артефакты, спрятанные в святилищах, вибрировали тихой, убаюкивающей песней, глуша любые потрясения для спящих исполинов.

Перед тем как погрузиться в сон, последний из Драконов Неба прошелестел ветром на ухо верховному Хранителю: «Мы уходим в Камень и Сон, чтобы наш дух стал щитом. Но если Тень снова пошевелится, если равновесие падёт, и живые забудут язык звёзд и ручьёв, мы вернёмся. Наш сон закончится величайшим потрясением . И лишь тот, кто ходит по нашим снам, кто носит в груди небо, сможет стать мостом. Тогда, и только тогда, гора обернётся крылом, а камень станет сердцем снова».

Когда легенду забыли, превратив в сказку для детей, горы-драконы стали просто горами, их имена стёрлись из памяти, а Камни-Сердца потерялись в веках. Люди построили у их подножий город, не зная, что спят на щите и на пробуждающемся звене древней битвы.

И теперь, когда ветра дуют странно, а в снах чувствительных душ мелькают тени огромных крыльев, старейшины качают головами и шепчут: «Горы что-то вспомнили». Но никто уже не знает, что именно.

Женщина замолчала, и последние слова легенды растворились в тишине . Она поправила одеяло, нежно поцеловала в лоб своё белокурое сокровище, и легким дуновением погасила свечу.

В эту самую секунду, на грани между сказкой и явью, Лира проснулась. Сердце стучало в груди густыми, тяжёлыми ударами. Опять этот сон. Не страшный, но... зовущий.И это странное, щемящее чувство...

Глава 1. Камень, который ждал

Солнце било в окно, расчерчивая парту горячими квадратами. На доске мелом скрипели формулы, но для Лиры они были иероглифами. Её взгляд был прикован к горизонту, где гряда Хранителей застыла в сиреновой дымке. Та гора, двойная, с пиками, похожими на сложенные крылья... она сегодня была особенной. Её контур будто чуть-чуть изменился, стал мягче, словно гигантское плечо каменного великана опустилось в ожидании.

В ушах у Лиры звучала не речь учителя, а тихий, глубокий гул. Он шёл ниоткуда и ото всюду сразу, и ей казалось, что если она закроет глаза, то провалится в него, как в тёплое море.

— Стрельцова!

Тишина. Гул исчез. Лира продолжала смотреть в окно.

— СТРЕЛЬЦОВА!

Учитель математики, Пётр Ильич, побагровел так, что его лысина стала напоминать спелый помидор. Он уже не стучал указкой по столу — он молотил ею так, что даже рыбы в аквариуме замерли, выпучив глаза и приоткрыв рты, и тарасились на происходящее с явным интересом.

— СТРЕЛЬЦОВА, ТВОЮ Ж МАТЬ!.. — он осёкся, вспомнив о педагогической этике, но было поздно. Класс взорвался хохотом.

Лира дёрнулась, будто её ударили током. Мир с грохотом вернулся на место: вот доска, вот хихикающий Витька Сомов, вот красный, как рак, Пётр Ильич.

— Я что? — растерянно моргнула она.

— Что ты там высматриваешь, Стрельцова? — голос учителя сорвался на фальцет. — Гнездо дракона? Или, может быть, летающую тарелку?

— Я смотрела на горы, — честно ответила Лира, поднимаясь из-за парты. Ноги почему-то дрожали. — Они сегодня странные. Как будто двигаются.

Класс замер, а потом грянул новый взрыв смеха. Кто-то заржал в голос, кто-то захлопал. Соседка по парте, Ленка, закатила глаза и демонстративно отодвинулась.

Пётр Ильич медленно положил указку на стол. Его лицо из багрового стало бледно-сизым. Он глубоко вздохнул, сдерживаясь из последних сил.

— Стрельцова. Ты...ты... — он замахал руками, будто отгоняя наваждение. — Я вызываю твоих родителей в школу. Немедленно. Пусть директор с ними разговаривает. Я не могу. Я ТАК УСТАЛ от твоих драконов!

Он рухнул на стул, вытирая платком вспотевшую лысину, и махнул рукой в сторону двери.

Лира, чувствуя на себе двадцать насмешливых взглядов, вышла в коридор. Сердце коло-тилось где-то в горле, но внутри, под этим стыдом и страхом, всё ещё жил тот самый гул. И он стал громче.

Два дня спустя Лира сидела на неудобном стуле в приёмной директора. Рядом, положив ногу на ногу, застыла мама. Ирина Николаевна была не рассержена — она была обескуражена. Её дочка, тихая мечтательница, вдруг стала причиной разноса от учителя, который славился своим спокойствием.

— Драконы, значит, — тихо, без улыбки, сказала мама, когда они ждали вызова. — Лира, ну какие драконы? Ты же взрослая девочка.

Дочь молчала. Как объяснить, что горы дышат, что внутри неё живёт этот гул, что ночью ей снится каменное сердце размером с город?

— Проходите, — секретарша распахнула дверь в кабинет.

Директор школы Елена Витальевна встретила их с привычным спокойствием. Она предложила маме и Лире сесть поудобнее, и начала мягко, без нажима:

— Ирина Николаевна, я пригласила вас не для того, чтобы ругать Лиру. Пётр Ильич, конечно, расстроен, но — она сделала паузу, — мне кажется, здесь не просто невнимательность. Лира, ты можешь рассказать, что с тобой происходит? Ты плохо себя чувствуешь? В последнее время ты ведёшь себя несколько странно...

Лира подняла глаза на директора. В её голосе не было насмешки. Была странная, почти знающая мягкость. И это было страшнее любых криков.

— Я — Лира запнулась. Её взгляд упал на полку с минералами за спиной директора. И там, среди пыльных образцов, лежал ОН.Камень. Тёмно-синий, почти чёрный. Размером с кулак. И в его глубине, прорезая толщу, застыла серебристая молния. Не нарисованная, не отражение света — настоящая, живая, пульсирующая.

Лира забыла, где находится. Забыла про маму, про директора, про стыд. Она смотрела только на камень. Она ощущала его.

Тук. Тук. Тук. Это билось её сердце.

Тук. Тук. Тук. Это пульсировала молния в камне.

Они совпадали. Каждый удар её сердца находил отклик в этой каменной глубине. Камень дышал с ней в унисон. Он был не мёртвым минералом. Он был продолжением чего-то огромного, спящего там, в горах. И он узнал её.

— Лира? — голос мамы прозвучал глухо, издалека. — Лира, ты меня слышишь?

Девочка с трудом оторвала взгляд от камня. В глазах стояли слёзы — не боли, а узнавания.

— Я я видела сон, — прошептала она, глядя прямо на Елену Витальевну. — Мне снилось, что я сплю внутри горы. И моё сердце бьётся в такт с её сердцем.

Директор медленно перевела взгляд с лица Лире на полку с минералами. Задержалась на лабрадоре на секунду дольше, чем следовало. И в её глазах мелькнуло что-то, чему Лира не могла подобрать названия. Не удивление. Не страх. Подтверждение.

— Что ж, — Елена Витальевна встала, давая понять, что разговор окончен. — Ирина Николаевна, я думаю, здесь не нужны ни репетиторы, ни нотации. Вашей дочери просто нужно чуть больше свободы. И, возможно, чуть меньше давления школы. Мы не будем её наказывать. Дадим девочке немного отдохнуть.

Она посмотрела на Лиру, и в этом взгляде была глубина понимания и что-то ещё неуловимое, что неопытный подросток пока не мог распознать.

Лира вышла из школы на ватных ногах. Мама молчала, не зная, что и думать. А в груди у Лире, вместо привычного гула, теперь чувствовался чёткий, ясный ритм. Ритм, который совпадал с пульсацией той самой молнии за стеклом.

Вечером, сбежав от домашних заданий, она отправилась на старую смотровую площадку на окраине города, откуда открывался вид на гряды сине-лиловых гор. Вершины Хранители. Так она называла их про себя с детства. Не потому, что читала это где-то, а потому, что так они чувствовались. Особенно самая высокая, с двойным пиком, похожим на сложенные крылья.

Во сне прошлой ночью она снова там была. Не на горе, а в ней. Сквозь толщу тёплого, темного камня пробивался смутный свет, и откуда-то снизу, из самой глубины, доносился мерный, невероятно глубокий звук — будто билось гигантское сердце из гранита. И было чувство абсолютной безопасности, как в колыбели.

Эти сны... Они были реальнее, чем этот серый, крошащийся бетон под ногами. Иногда, особенно перед рассветом, ей казалось, что она слышит их отголоски наяву — далёкий, едва уловимый гул, идущий от земли, будто город построен на спящем теле.

Ветер был сильным, он выл в старых перилах смотровой площадки и неистово трепал пряди ее волос. Лира закрыла глаза, подставив лицо потоку холодного воздуха.

И тогда она услышала.

Это был не ветер. Это был шёпот. Низкий, многослойный, как скрежет валунов, сдвигаемых течением, но в нём была мелодия. Или память о мелодии. Он шёл не снаружи, а изнутри, из самой её грудной клетки, будто резонировал с чем-то огромным и спящим.

Она открыла глаза, сердце колотилось где-то в горле. Двойной пик горы-крыльев был окутан странным, мерцающим маревом, как воздух над раскалённым асфальтом. Только сейчас было холодно.

Внезапно земля под ногами дрогнула. Один раз, глубоко и нехотя, будто кто-то тяжело повернулся во сне. Из трещины в бетоне площадки вырвался слабый поток тёплого воздуха, пахнувшего озоном и чем-то древним.

В голове у девочки, чисто и ясно, как удар колокола, прозвучал не её собственный голос. Это было чувство, облечённое в слово. Одно-единственное, понятное до боли.

«ПОРА».

И где-то там, вдали, гора-крылья пошевелилась

Глава 2. Летопись, написанная снами.

Город лихорадило. После вчерашнего толчка трещины, словно синие молнии, зияли на асфальте. Экраны смартфонов и телевизоров лихорадочно перебирали версии: тектоническая активность, секретные испытания, газовые выбросы. Голоса экспертов, сбивчивые и тревожные, сливались в монотонно гудящий страх.

Лира шла по улице, всеобщая паника обтекала её, не цепляясь и не задевая. Внутри у неё было тихо и ясно. Слово «ПОРА» всё ещё отдавалось в её костях тихим, тёплым эхом, словно вибрация колокола после удара. Она не боялась. Она ждала. И знала, куда ей нужно идти.

Городская библиотека была старым каменным зданием. С порога девочку обняла тишина, тишина особенная, не пустая, а насыщенная голосами тысяч книг. От запаха старой бумаги зашекотало в носу. Лира миновала ряды с современными романами и углубилась в самый дальний зал — «Краеведение и фольклор». Здесь воздух был гуще, а свет из высоких окон ложился золотистыми пыльными столбами на стеллажи с потрёпанными корешками.

За небольшим дубовым столом, освещённым лампой с зелёным абажуром, сидела Марьяна Степановна, элегантная пожилая женщина. Её седые волосы, оттененные сдержанным фиолетовым цветом, были со вкусом подстрижены, плечи укрывал неизменный тёплый палантин с изысканным узором. Она подняла на Лиру умные, нестареющие глаза, и на её лице появилось выражение глубокой, спокойной радости.

— А, Лирочка. Я тебя ждала, — её голос был похож на шелест страниц.

— Здравствуйте, Марьяна Степановна, — Лира прижала к груди потрёпанную папку с собственными рисунками драконов. — Вы слышали? Про гору?

— Слышала, что земля вздохнула, — женщина отложила книгу, которую реставрировала. — Я видела, как ты вчера смотрела на Хранителей. Ты что-то почувствовала, да?

Лира кивнула, словно пружина. Она не умела и не хотела врать библиотекарю, которая была единственным человеком, который не считал её странной, напротив, всегда подсовывала ей самые необычные книги — о мифах, об артефактах, о древних культурах. Именно здесь, в этом зале, Лира прочла всё, что было о драконах, и Марьяна Степановна только поощряла её интерес, иногда добавляя: «В сказках часто скрыта память, детка. Самые старые сказки — они как сны всей планеты».

— Он... Они проснулись? — выдохнула Лира, опускаясь на стул напротив. Пожилая женщина внимательно посмотрела на неё, будто оценивая не только слова, но и свет, исходящий от девочки.

— Может быть, не совсем проснулись. Может, просто повернулись на другой бок, — сказала она загадочно. — Но раз уж ты здесь ...Думаю, пора показать тебе кое-что, что не внесено ни в один каталог.

Она поднялась, её движения были неторопливы и полны достоинства, и повела Лиру в крошечную кладовую за своим столом. Там, сдвинув несколько коробок с карточками, она достала не книгу, а большую, тяжелую папку из потемневшей кожи, стянутую шнурком.

— Это не летопись, — сказала Марьяна Степановна, возвращаясь к столу и осторожно развязывая шнурки. — Это сказания, записанные моей прапрабабкой, а она была сказительницей, собрала их от старейшин, чьи предки жили здесь, когда города ещё не было. Держи. Она открыла папку. Внутри лежали не страницы, а куски плотного, грубого пергамента, испещрённые примитивными, но удивительно выразительными рисунками и строками на забытом диалекте. Рядом аккуратным учительским почерком были сделаны переводы. — Читай, — мягко сказала она. — Читай вслух.

Лира коснулась папки, и знакомое чувство — то самое, из снов — охватило её. Она начала читать перевод, её тихий голос в полной тишине зала зазвучал, как заклинание. «Никто

уже не помнит, когда именно это было. Знают только, что тогда горы умели двигаться. Они медленно, в такт вековому дыханию планеты, переставляли каменные «лапы» и складывали «крылья» из скальных плит. Это были не горы, а Драконы...»

Она читала дальше, про Смуту и Тень, про Великий Сон. Её голос то слегка дрожал, то звучал твёрже, когда она дошла до пророчества последнего Дракона Неба. «И лишь тот, кто ходит по нашим снам, кто носит в груди незамутнённое небо, сможет стать мостом. Тогда, и только тогда, гора обернётся крылом, а камень станет сердцем сна». —

Лира замолчала и подняла глаза на Марьяну Степановну.

— Незамутнённое небо — прошептала она.

— Чистое сердце, — кивнула библиотекарь. — Сердце, которое не научилось ненавидеть, бояться по-настоящему, лгать себе. Сердце, которое помнит язык ветра и умеет слушать сны. Оно, как те Камни-Сердца из легенды. Оно тихое, но способное резонировать с великим. Это — большая редкость

— Вы думаете, это про меня? — Лира не поверила своим ушам, произнесла это вслух.

— Я думаю, ты — единственный человек в этом городе, который годами читал не сказки о драконах, а их сны, записанные в твоей собственной голове, — сказала Марьяна Степановна просто. — Ты приходила сюда со своими рисунками, и твои глаза... в них было то самое «незамутнённое небо». Ты видела их, да? Во снах. Не как картинку, а как присутствие.

Лира снова кивнула, и на её глаза навернулись слёзы облегчения. Кто-то ещё знал. Кто-то верил.

— Что мне делать? Все боятся. Они начнут... они захотят их уничтожить, если увидят.

— Тогда ты должна сделать то, что делают все хранители и переводчики, — старая женщина накрыла её руку своей тёплой, сухой ладонью. — Ты должна стать мостом. Сначала между твоим знанием и их страхом. Потом — между драконом и человеком. Легенда говорит: они вернуться, когда Тень пошевелится. Я не знаток древних ужасов, Лира, но то, что сейчас творится это не просто землетрясение. Это пробуждение. И если проснулись они, значит, проснулось и что-то ещё.

В этот момент снаружи, из-за высоких окон, донёсся протяжный, леденящий душу вой сирены — сигнал гражданской обороны. Марьяна Степановна взглянула в окно. Лицо её стало серьёзным и печальным.

— Кажется, время сказок закончилось, детка. Начинается история. Настоящая. Запомни легенду. И помни о Камне-Сердце. Если он был реальностью... то он может быть и ключом. К разуму дракона. Или к его усмирению. Кто знает.

Лира встала, крепко сжимая папку с рисунками. Страх в городе был теперь осязаем, он врвался даже сюда. Но внутри неё, заглушая страх, звучало то самое слово. «ПОРА».

— Спасибо, — сказала она, и в её голосе впервые прозвучала не детская робость, а твёрдая решимость.

— Иди, — мягко сказала Марьяна Степановна. — И будь осторожна. Мосты они часто находятся под самым сильным ветром.

Лира выбежала из библиотеки в охваченный паникой город. Теперь у неё за спиной была не просто детская мечта, а древнее знание. На душе было тяжёлое, взрослое понимание: она не просто свидетель. Она — та самая, «кто ходит по снам». И мост нужно построить до того, как с обеих сторон начнут падать камни.